

Жители Яньцзина когда-либо видели такое? Эти "железные грамоты" и "золотые таблички, избавляющие от казни" – разве не вещи, о которых только слышали, но никогда не видели? Даже у самых бедных семей найдется хоть один зажиточный родственник, но и те вряд ли видели подобное воочию!

Только и слышали, что какой-то высокопоставленный чиновник совершил нечто великое, за что и удостоился такой награды. Вещи эти, конечно, почетные, но их символическое значение куда важнее практического. Бывало, что император, собираясь наказать какого-нибудь чиновника, вспоминал, что у того в доме хранится такая реликвия, и снисходительно прощал его. Но чтобы кто-то действительно вынес их из родового храма – такого не слышали и не видели!

А сегодня вот посчастливилось.

Тут же все в зале суда повалились на колени, возглашая: "Десять тысяч лет!" Даже сам судья Интяньфу спустился с возвышения и преклонил колени, в душе ощущая легкую абсурдность происходящего. Видимо, император заранее договорился с канцлером Цю, иначе зачем бы семье Цю выносить свои "железные грамоты" и "золотые таблички"? Иначе зачем было доводить дело до суда – двух молодых господ, горячих и вспыльчивых, обидели, здание разрушили, дом подожгли, людей убили...

Но все это уже перешло все границы разумного.

Цю Ибо держал в руках "железную грамоту" – на деле просто тяжеленую железную табличку. Если бы он не был последователем пути, вряд ли смог бы удержать ее одной рукой.

– Господин У, почему вы не преклонили колени? – спросил он. – Если у вас дома есть такая же реликвия, может, велите принести? Тогда и мы сможем стоять наравне.

У Чжифэй растерянно подумал: "Будь у меня такая вещь, разве я сейчас стоял бы здесь и разговаривал с тобой?"

Обладателями "железных грамот" и "золотых табличек" были либо семьи, отличившиеся при основании династии, либо те, кто совершил великие деяния. Он, хоть и занимал пост второго ранга, ничего подобного не имел!

Что ему оставалось? Винить предков за их несостоятельность? Или себя?

Вот так, чиновник второго ранга, и его теперь притесняют, используя влияние!

У Чжифэй, скрепя сердце, опустился на колени. В его глазах читалось непонимание. Почему император так жесток? Всего лишь один публичный дом, пусть и с грязными делами... Можно было понизить в должности, оштрафовать. Он тридцать лет верно служил империи, а теперь вот такое... Сердце сжималось от обиды.

– Господин судья, можно продолжить разбирательство? – Цю Ибо улыбался, но в его взгляде читалась острота, от которой невозможно было отвести глаза.

Судья поспешно поднялся:

– Конечно! Конечно! Тогда я... продолжу.

Народ тоже поднялся, с любопытством наблюдая за происходящим. Судья кашлянул:

- Господин Чжэн, вы как свидетель, что можете сказать?

Чжэн указал на мальчика лет семи-восьми, стоявшего рядом. Тот выглядел не по годам серьезным, взгляд мрачный.

- Я - Чжэн Чжицзе, уроженец деревни Чжоуань под Яньцзином, сдал детские экзамены в десять лет, три года назад приехал в столицу для сдачи государственных. По дороге познакомился с управляющим "Павильона Весеннего Ветра" Чжоу Минляном. Он показался мне образованным и остроумным, мы быстро сошлись. Он предложил по приезду помочь с жильем, и я согласился. Чжоу поселил меня в "Павильоне", а через десять дней потребовал двадцать золотых за проживание. У меня не было таких денег, и он силой заставил меня подписать контракт о продаже себя в рабство.

- Этот мальчик - мой младший брат. Когда я не вернулся, мать привезла его в столицу искать меня. В конце концов они вышли на "Павильон". Чжоу, узнав об этом, столкнул мать в озеро, где она утонула, а брата заставил подписать такой же контракт.

Судья похолодел. Он и представить не мог, что за этим стоит такая история. Даже ему, чиновнику, хотелось выругаться: "Павильон" перешел все границы, а военный министр - просто безумец!

- И это еще не все, - продолжил Чжэн. Его лицо на мгновение исказилось, но тут же стало спокойным. - В "Павильоне" часто бывали высокопоставленные гости, любившие детей. Многих детей замучили до смерти. Только благодаря мне брат выжил. Но он не единственный и не самый младший.

Слушатели закипели от гнева. Кто-то первым не выдержал:

- Собака-чиновник! Как можно трогать таких маленьких детей!

- Пусть своего сына отдаст!

- Даже образованных людей похищают! Где закон?!

- Чтоб тебе гнить заживо!

Судья стукнул деревянной колотушкой:

- Тишина! Тишина! Господин Чжэн, вы подтверждаете свои слова?

- Конечно, - ответил Чжэн. - Если я лгу, пусть моя семья погибнет.

- Хорошо, - судья смягчил голос. - Мальчик, это твой брат?

- Да, - тихо ответил ребенок.

- То, что он сказал, правда?

- Правда, - мальчик опустил голову. - Сяо Лю умер. Отец отдал его гостю, который любил бить. Потом у него вся попа была в крови, и он умер. А Сяо Шицзю... он даже говорить не умел. Отец продал его дорого, а на следующий день у него живот весь сгнил, и он умер.

- Я тоже чуть не умер два раза. Брат уговорил отца позвать лекаря, и я выжил. Я просил отца не тыкать в меня палкой - больно, не выдержу. Но он все равно тыкал, пока я почти не умер...

С каждым его словом сердце у присутствующих сжималось все сильнее. Некоторые уже вытирали слезы. Военный министр нервно подергивался. Ему хотелось заставить мальчика замолчать, но сейчас не его была очередь говорить.

- Ладно, хватит, - поспешил прервать судья.

Но мальчик продолжал:

- Брат сказал, что отец - не отец, а сводник. Мой настоящий отец - цзюйжэнь. Он был слаб здоровьем, но в двадцать восемь лет сдал экзамены и стал самым уважаемым учителем в уезде. Каждый год к нам приходили люди, кланялись ему и приносили соленое мясо.

- Я знаю, что тот человек - не мой отец. Он - подонок, даже бродяга чище него... Брат, я все сказал. Мы можем уйти? - Он поднял лицо к Чжэну. - Отец наверняка очень рассердился бы.

Чжэн улыбнулся:

- Мы можем уйти.

- Вы пока не можете... - начал судья.

Но не успел он договорить, как братья достали откуда-то кинжалы и вонзили их себе в сердца. Чжэн обнял брата, помогая ему глубже вогнать лезвие. С последними силами он прошептал:

- Мы... смертью... обвиняем... военного министра...

И испустил дух.

Цю Ибо и Бо'Эр замерли, затем отвернулись, не в силах смотреть. Они с самого начала видели, что у этих двоих не было желания жить, но не стали останавливать... Это не их рук дело, хотя вчера в "Павильоне" они действительно видели этих двоих. Просто не ожидали, что те выберут такой страшный способ обвинения.

Это был их выбор. Нельзя осуждать.

Но военного министра они не оставят в покое.

Раз уж столкнулись - почему бы не вмешаться?

Даже если сегодня У Чжифэй выйдет из суда невредимым, у них найдется способ, чтобы он не дожил до утра. Жаль, конечно, что у них не было "меча Шанфан" - того самого, что карает даже императора. Будь он у них, они бы одним ударом покончили с этим негодяем, и никто не посмел бы возразить.

Пальцы военного министра впились в подлокотники, сухожилия выступили наружу. Он понимал: после смерти этих двоих, да еще с поддержкой канцлера Цю, его участь решена.

Вдруг в зал влетел какой-то предмет и угодил ему прямо в головной убор, разбившись с противным хлопом. Что-то вонючее потекла по его одежде. Тухлое яйцо.

- Собака-чиновник!

- Чтоб ты сдох!

Тут же в зал полетели гнилые овощи и прочий мусор. Судья тщетно стучал колотушкой. Стражи пытались сдержать толпу, но их было слишком мало.

- Собака-чиновник! Небо ослепло, раз позволило такому подонку занять высокий пост!

- Чтоб тебя молния поразила!

У кого нет детей? Кто не лелеет их, боясь, что они простудятся или упадут? Кто не копит деньги, чтобы дать им образование? Кто не мечтает, чтобы они сдали экзамены, пусть даже не высшие, а просто детские, и стали уважаемыми людьми?

У Чжифэй разбудил в людях настоящую ярость.

Цю Ибо вдруг почувствовал усталость. Ему больше не хотелось смотреть на это. Все уже было решено. Он прислонился к Бо'Эру и увидел, что тот думает так же.

- Неинтересно, - тихо сказал Бо'Эр.

- Ага, пошли.

Цю Ибо шевельнул пальцем, и Вэнь Жун, стоявший рядом, поспешил подойти:

- Господин, какие будут указания?

- Не хочу больше смотреть.

Вэнь Жун замялся:

- Дело еще не закончено, господам лучше не уходить.

Бо'Эр усмехнулся:

- Раз уж зашли так далеко, можно и еще раз воспользоваться влиянием.

Вэнь Жун тут же понял намек и громко объявил:

- Господин судья! Военный министр У Чжифэй виновен в потворстве преступлениям, похищении людей и принуждении к проституции! Доказательств более чем достаточно. Прошу вынести приговор!

Судья хотел было сказать, что вещественных доказательств нет, но, заметив, как молодые господа Цю нетерпеливо поигрывают "железной грамотой", передумал. В конце концов, военного министра решил казнить сам император с подачи канцлера Цю. Вчера судья уже наступил канцлеру на ногу, сегодня лучше не злить его сыновей.

Он громко стукнул колотушкой:

- Чиновник У Чжифэй виновен в потворстве преступлениям, похищении людей и принуждении к проституции! Приказываю заключить под стражу и казнить по закону! Остальные детали будут рассмотрены после доклада императору. Заседание закрыто!

- Вэй-у-!

Народ рвался в зал, чтобы растерзать чиновника, но стражники сдерживали их. У Чжифэйя

скрутили руки и поволокли прочь под градом плевков и гнилых овощей.

Цю Ибо, засунув руки в рукава, равнодушно сказал:

- Пусть похоронят их достойно, купят хорошие гробы, похоронят в родовой могиле. Поставьте...

Бо'Эр продолжил:

- Поставьте памятник. Организуйте все как положено, чтобы кто-то оплакивал их и не было пересудов.

Вэнь Жун поспешно согласился:

- Слушаюсь, сейчас займусь.

Они придавали большое значение похоронам – значит, нужно устроить все пышно. Деньги, люди, репутация – все будет. Они уже мертвы, эти двое, может, и не заботились об этом, но пусть уйдут достойно. Если их души где-то есть, пусть успокоятся.

- Слушаюсь.

На этом дело было закончено. Цю Ибо и Бо'Эр лениво отправились домой. Тетушка ждала их и, увидев, облегченно вздохнула:

- Девятнадцатый, двадцатый, вы не испугались?

- Такое зрелище нас не испугает, – улыбнулся Цю Ибо. – Спасибо за заботу.

Тетушка махнула рукой:

- Все равно побывали в нехорошем месте. Дома приготовили листья помело и жаровню – переступите, чтобы больше не сталкиваться с таким.

- Хорошо, – согласился Бо'Эр.

Вэнь Жун все еще держал в руках драгоценные реликвии, но в доме Цю никто не обращал на него внимания. Хорошо еще, что он был тренированным, иначе бы не удержал.

Тетушка наконец заметила его:

- Благодарю вас, господин Вэнь. Передайте эти вещи управляющему.

Цю Ибо спросил:

- В родовой храм?

- Именно, – ответила тетушка.

Бо'Эр задумался:

- Мы сами отнесем. Мы еще не были в храме с тех пор, как вернулись, даже не воздали должное предкам. Позор нам.

В прошлый раз, когда вносили их имена в родословную, они даже не пришли. Дядя просто добавил их и все.

Тетушка только улыбнулась и отпустила их.

Вэнь Жун хотел уже передать реликвии управляющему, но Цю Ибо остановил его:

- Идите с нами, еще кое-что нужно.

- Слушаюсь, господин.

Вэнь Жун служил Цю Ланьхэ почти десять лет, но впервые попал во внутренние покои семьи Цю. Впрочем, это объяснимо - внутренние покои были женской половиной, а он, хоть и назывался советником, по сути был слугой.

Родовой храм находился в западном углу. Вэнь Жун ожидал, что за молодыми господами последует целая свита слуг, но те вошли внутрь одни. Служанки почтительно кланялись, но не сопровождали их.

У входа в храм стояли старые слуги. По правилам, ему нельзя было входить, и Вэнь Жун уже приготовился остаться, но Цю Ибо просто сказал: "Входи", - и слуги пропустили его без вопросов.

Родовой храм семьи Цю был поистине величественным. Три стены были уставлены табличками предков, рядами уходящими вверх. Вэнь Жун увидел имена многих известных исторических личностей и затаил дыхание. По указанию старого слуги он положил реликвии перед главным алтарем и отступил, облегченно выдохнув.

Хорошо, что ничего не задел - иначе завтра мог бы лишиться места.

Старый слуга подал Цю Ибо и Бо'Эру по три благовонные палочки. Те небрежно поклонились, слегка наклонившись, и все. Слуга при этом улыбался, что шокировало Вэнь Жуну. Видимо, статус молодых господ в семье был действительно высоким - раз им позволяли такое!

Обычно хранителями родового храма становились преданные слуги, оставшиеся после смерти хозяев. Такие слуги пользовались почти таким же уважением, как и члены семьи, особенно в эпоху, когда "сыновняя почтительность" значила так много.

Но сейчас старый слуга улыбался, будто молодые господа проявили величайшее почтение.

Бо'Эр сказал:

- Вэнь Жун, подождите снаружи. Нам с девятнадцатым нужно еще кое-что.

- Слушаюсь, господин.

Вэнь Жун поспешно опустил глаза и вышел вслед за слугой.

Один из старых слуг трижды поклонился табличкам, затем нажал скрытый механизм. Центральная стена медленно повернулась, открывая проход. Цю Ибо и Бо'Эр вошли внутрь. Здесь находились их настоящие предки.

Семья Цю существовала уже тысячу лет, и, так как они не разделялись, в обычном храме не хватило бы места для всех табличек. Все, кто был старше их поколения, находились здесь.

Они снова взяли благовония, совершили три коленопреклонения и девять поклонов, затем встали.

В храме стоял густой запах сандала, давящий и удушливый. Черные таблички, белые свечи - но им не было страшно. В конце концов, это были их предки. Даже если бы духи и существовали, они вряд ли стали бы пугать своих потомков.

Их взгляды скользили по табличкам. Их поколение было в самом низу, выше - поколение отца. Первой шла табличка с именем "Цю Линь" - их настоящего дяди, умершего почти тысячу лет назад.

Рядом с ним было два пустых места - очевидно, для третьего дяди и отца. Еще выше - поколение деда и бабушки, Цю Лие и Гу Чуньлай. Цю Ибо подошел и заменил свежими цветами и фруктами те, что стояли на алтаре. Бо'Эр нашел два лотосовых светильника и зажег их.

Закончив, они уже собирались уходить, но вдруг остановились и снова огляделись. Рядом с табличкой дяди было два пустых места - отец и третий дядя были живы, это объяснимо. Но... а их мать?

Если бы она умерла, ее табличка должна была бы здесь быть.

Вообще, этот вопрос занимал Цю Ибо с детства. Но видя, как отец избегает этой темы, он научился не спрашивать. Сначала он думал, что мать умерла - ведь он никогда ее не видел. Потом, став последователем пути, он ясно вспомнил, что в день их рождения ее не было.

Ни разу.

Они переглянулись и молча вышли, забрав с собой Вэнь Жуна. Вернувшись в свои покои, они отослали его в боковой зал, а сами погрузились в горячую воду с ароматом помело.

- Может, они развелись? - предположил Цю Ибо.

- Или отец просто нашел подходящую девушку для испытания... родил нас и бросил, - продолжил Бо'Эр.

- А может, мать - последовательница пути, они встретились, закрутилось... а она не хотела связываться и просто скинула нас?

- Может, она из Хэхуаньцзун?

Они вдруг одновременно воскликнули:

- Шу Юй Чжэньцзюнь?!

Если подумать, Шу Юй Чжэньцзюнь всегда относился к ним с необычной теплотой: играл для них на цине, помогал в прорывах, позволял лежать у него на коленях...

У них мурашки побежали по коже.

- Не может быть... - пробормотал Бо'Эр.

- В культивации нет ничего невозможного, - усмехнулся Цю Ибо.

- Ладно, допустим, они развелись. И все!

- Согласен.

Бо'Эр вдруг шлепнул его по ноге:

- Хватит ставить ногу мне на плечо. Ты же знаешь, какая она тяжелая!

Цю Ибо пощупал свою ногу:

- Ну не такая уж и тяжелая...

- Ты забыл, что я гей?

- А я разве нет?!

- Ты в опасной позе!

- Ты что, хочешь меня трахнуть?!

- Я - разделенное сознание, не человек.

Цю Ибо скрестил руки:

- Слушай...

Бо'Эр поднял бровь:

- Ну?

Цю Ибо вдруг обнял его:

- Ну давай!

- Кто будет первым? Может, по очереди? Какую смазку предпочитаешь?

Бо'Эр: "..."

Примечание автора:

1 "Девять форм Лotosового Бога" из произведения "Облик цветка"

2 "Вкус колдуньи" из произведения "Властелин Тайн"

Если не понимаете, не страшно. Первое - про мужчину, освоившего андрогинность, второе - про смену пола.

<http://bllate.org/book/14686/1310434>